

В. К. ХАРЧЕНКО

*(ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия)*

УДК 81'23

«ЧУЖОЕ СЛОВО» В ДИНАМИКЕ ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Аннотация. На примере трёх блоков высказываний одного ребенка (3 года 3 месяца, 4 года 3 месяца и 6 лет 3 месяца) анализируется соотношение своего и чужого в детской речи. Рассматривается употребление цитат из детской поэзии, подчёркивается связь цитирования со знанием литературы, свободное владение функционально-семантическим аспектом цитации. Отмечается тесная связь собственных употреблений слова и заимствований из речи окружающих. Ранняя стадия цитат связана с заучиванием наизусть отрывков из детской художественной литературы. В отрывках представлено также дублирование взрослых оборотов речи, феномен самоцитирования, гиперболизация высказываний.

Ключевые слова: детская речь, высказывание, цитата, функционально-семантический, речевая деятельность, гиперболы, метафора.

«Чужое слово» издавна привлекало внимание исследователей детской речи. Отсылаем читателя к работам Е. А. Авакумовой [Авакумова 2008: 6-7], К. В. Гарганеевой [Гарганеева 2004: 42-46], М. В. Елисейевой [Елисейева 2001: 59-76]. В своей статье «Чужое слово в детском поэтическом творчестве» Т. А. Круглякова подробно охарактеризовала мотивы, «жанры», формы заимствования, типы содержательных изменений текстов и изменения, направленные на модернизацию или усовершенствование формы выражения мыслей в цитируемых источниках [Круглякова 2009: 226-232]. В статье «Цитирование в речи ребёнка (по материалам материнского дневника)» Е. А. Офицера выделяет такие разновидности детского цитирования, как неточное, ненамеренное, намеренное цитирование, более-менее удачное и др. Анализируются метатекстовые высказывания, рефлексия ребёнка по поводу произнесённой цитаты [Офицера 2018: 348-350].

Как видим, проблематика «чужого слова» в онтолингвистике не является новой, что, однако, не свидетельствует об абсолютном её понимании. Детская речь развивается в сложных ситуациях диалектики своего и чужого, и на первый взгляд трудно бывает определить, что обусловило то или иное словоупотребление: подражание ли «чужой», взрослой речи (или относительно взрослой, если речь идёт о сиблингах) или же это своё собственное, «авторское» словоизобретение.

Сравним три блока высказываний одного и того же ребёнка. Первый блок: девочке 3 года 3 месяца 19 дней:

Ну это чтобы камни не упали, а то там порядок надо устроить! // *Папе! Он же старший!* – А я постаршее! // *О телефонной трубке:* Я на правильно положу! // *Я люблю, когда мало снегу* (нога плохо ходит по скользкому). – А я люблю ходить по много снегу! // Ой, я зацепилась! // Ты бумажку сюда положи, чтобы не забудь! // Ой, как она горячая сильнее (*трогает сумбрию*). *Развернём*, чтобы она остудилась! // А это что? – *Масло! Блины печь.* – Ну, если я приходу к тебе (*приду*), ты испеки мне. // *Всё! Съели голодные!* («кормит» яблочком) // *О куртке:* Это высохнула. // *Об эркере:* А тут папа не спит зато! // *Феечка смотрит, как ты собираешь!* – Но ты мне подавай, главное! // Ой, а фея упала! // – Ну, пока не надо (*подавать голубые мозаички*). Ну, потом, если я «захочу и проглочу тебя» (*улыбается, шутит*). // А момонтёнок не видел маму, куда мама задевалась. А дедушка морж ему помог на льдину. // Мила (*из мультика*) хотела на фею пойти (*быть похожей*). // Ну вот это будет коврик, ну как тебе сказать? (*часто повторяет*). // *Играем:* А сколько будет две конфеты и две конфеты? – Будет много конфет. А много надо оставить конфет, а то будут щёки красные и губка (*трогает*). // Они будут смотреть, как ты играешь в «Колобка»: Но только не бойтесь (бойтесь). // А там мне кажется плохое привидение. Я с ним повоеваю (*повоюю*). // *Трогает конфорку:* А тут нет огня! // А это «ложка» называется! Её нож обтряхивает (*счищая манную кашу*). // Я такой сделала план: идти к папе (*в другую комнату*), а потом идти манную кашу кушать! // А можно собачку взять? // Видела, как я кувыркнулась? Видела, я кувырок сделала? Хороший я прыг сделала? //

Подожди, я вытру пыль. – Но его (гномика) нельзя вытереть! // Опля! (*снимаю со стола её*) – А «опля» – это приличное слово? Девочке 4 г.3 мес.19 дней.

Какие чудненькие! Я бы ела и ела твои семечки! // О! А может, мне ложку дать большую, я ей буду ем (*есть*). // Боюсь, мы успеем гулять? Боюсь, мы не пойдём гулять? Кость, сыр ещё! *Маша подхватывает:* Чего не ешь? Что случилось, чего не ешь?// *Что ты убираешь (тарелку).* – Чтобы место поместилась (*освободилось*). // А как ты всё запоминаешь (*запоминаешь*)? // А я обычно ничего не боюсь. Ни воды! Ни воды с мылом. Я же большая (*разводит руки в стороны ладошками вверх*). // *О прозрачных пуговицах с белыми разводами:* Это ледяная! И эта ледяная! // *Достала?* – Я двумя ручками! Двумя! // *Достала гладкий камень (гальку):* Это ткань! Он гладится! // А это ракушка! Ракушка. Серьёзно я тебе говорю! // *Трудно сюда попасть.* – Такое не каждому под силу. А зачем ты записываешь? Для могущества? // *Льёт воду мне на голову, мою, кружкой грохнет о кастрюлю:* Как колокола! // *Тебе почитать?* – Нет, я это уже знаю. Легко. // Спасибо тебе! Я поела чай! // *О «пуговице».* Это непонятно что! *Маша подхватывает:* Это чёрте что! // Интересные – от них польза! От них польза есть! // Ты меня не уколила? // *Прижми к себе Пафнутия.* (*Маша легла с мишкой*): Да я прижмила! // *Укрылась одеялом (согреться не может).* Снега нам только не хватало! // *О часах:* Я под них и засыпаю. Тебе что, ничто не надо на укачивание ставить, мультик какой?

Записи той же девочки возраста 6 лет 3 месяцев 19 дней:

Нельзя двигаться, когда пища! Иначе будет у вас желудочный сок такой противный! // Просто пластилин – феноменальная дрянь! Ну, ладно! Шучу! // *Лепит торт.* – Теперь пламя! «Море пламени горит! Выбежал из моря кит. Эй, пожарные, бегите! Помогите, помогите!» // *О пластилине: Давай ещё дерево сделаем!* – Да будет так же падать, как цветок. Вот тебе это надо?! // Ты не сиди на краю обрыва. Можешь провалиться туда и уже умрёшь! // Не успел нажать кнопку, чтоб не бахнуться! // Да ладно! Они засыпают по пять минут! Думала, они там быстро засыпают? // *Теперь купаться! Они же все не поместятся.* –

Они три хотят! Три хотят купаться (трое). // *О девочке из пластилина*: Лида будет копать. Потому что это её кирка, её ответственность! // Ну что, накупались? Ну тогда вылезайте, а то будете... будете мокнуть, как бобики! // Вы посохнете, а я полежу. Устала! Как собака! (*смеется*). // Пора вставать! А то вы загорите, как огонь! На солнышке таком.

Мы взяли три блока детских непопаданий в норму и можем пронаблюдать следующее.

Строго говоря, цитирования во «взрослом» понимании здесь почти нет, за исключением двух высказываний в первом и последнем фрагментах: *Ну, потом, если я «захочу и проглочу тебя»* (улыбается, шутит) и *«Море пламенем горит. Выбежал из моря кит...»*. Ребёнок свободно цитирует то, что выучено наизусть, несколько раз прочитано взрослым и, конечно, как раз то, что особенно понравилось ему. Показательно, что уже в трехлетнем возрасте ребёнок хорошо владеет функционально-семантическим аспектом интертекстуальности, «метафорой связи реплик в диалоге», в аспекте взаимовлияния и заимствования текстовых структур, а не конкретных текстов. О четырёх аспектах связи речевого жанра и интертекстуальности (семиотическом, лингвистическом, эстетическом и функционально-семантическом) пишет В. В. Дементьев [Дементьев 2015: 24]. Отчасти на феномен цитирования в речи детей, пишут исследователи, влияет и пример взрослой речи. Особенностью русскоязычного взрослого человека является его щедрое цитирование. Мы наблюдали это особенно пристально ранее, в 2012-2015 годах. Причём, как отмечает Ю. А. Лысикова в диссертации «Лексикографирование цитат», весьма сложно объяснить, почему одно произведение разобрано на цитаты, а другое, тоже классическое, осталось нетронутым, хотя читается не реже первого [Лысикова 2005]. На этот вопрос можно ответить проекцией на сенсорнику, перцепцию: *и дым отечества... кроет уж лист золотой... мороз и солнце...* Запах, зрительный образ, тактильное переживание холода и солнца играют большую роль в закреплении строчек текста как крылатых слов. Однако для детской речи такое объяснение представляется неполным. Для ребенка ведущим звеном в употреблении цитаты становится слово: «захочу»

(первый пример) и «море» (в третьем фрагменте). Тема «цитаты» в разговорной речи весьма привлекательна для исследования жанрового разнообразия, однако у детей цитация стихов, песен, сказок постепенно сменяется цитацией из художественных произведений, из фильмов, а также из анекдотов, рекламных роликов, но это уже старший возраст испытуемых.

Попробуем теперь применительно к приведённым выше блокам детских высказываний соотнести цитацию с другими непопаданиями в детской речи. Заметим, что «чужое слово» представлено во всех случаях, и цитированием оно, однако, не исчерпывается. Рассмотрим, что мы имеем в виду, представляя «годовые» срезы детских высказываний.

Прежде всего, наблюдается теснейшая связь своего и «чужого» в обычной речи. Мы не ставили своей целью отследить феномен чужого слова, а записывали «всё подряд», помечая возраст ребёнка. Если в трёхлетнем возрасте правили бал в становлении правильной речи глаголы (*вытереть, возьми, повоюю, приходу*) и та же ситуация продолжалась в четырёхлетнем возрасте (*прижмила, уколола, запоминаешь*), то к шести годам лексика с глаголами выправляется, однако налицо непопадания с устойчивыми сравнениями: *мокнуть как бобики, загорите, как огонь*. Кстати, таких сравнений наблюдается маловато и в речи взрослых, о чём пишет А.В. Элмасын. Бросается в глаза почти полное отсутствие устойчивых сравнений (*как соком налилась* – о беременной). Этот тип сравнений подробно исследован в работе [Элмасын 2010].

Наблюдается частое повторение некоторых оборотов в речи: *ну как тебе сказать?*(1). *Вот тебе это надо?* (3). Когда проводишь с ребёнком долгое время в течение дня, то замечаешь эти повторения оборотов. Эффект идёт на запоминание, чтобы впоследствии использовать эти обороты по мере надобности.

Вместе с тем наблюдается детское дублирование взрослых слов и оборотов речи. *Но ты подавай, главное* (1). *Серьёзно я тебе говорю!* (2). *Снега нам только не хватало!* (2). *Это чёрте что!* (2). *Устала! Как собака* (3). Та же девочка в ответ, как тебе новые обои, сказала: «По-моему, элегантно!». То есть использование лексики взрослого продолжается, но со временем

становится менее заметным в силу своей грамотной включенности в детскую речь.

Обращает на себя внимание слово «феноменальная» (*дрянь*), которое в детской речи почерпнуто из речи взрослых. Заметим здесь же, что шестилетний ребёнок уже воспринимает его как слово, не совсем подходящее к ситуации: *Ну ладно. Шучу*. Феномен шутки широко используется детьми: и как вынужденная ложь, и как не совсем удачная шутка.

Далее, имеет место феномен самоцитирования: *чтоб не бахнутья* (3). «Бахнутья» считается «детским» словом, и ребёнок осознаёт это.

Наконец, обращает на себя внимание некоторая гиперболизация высказываний. Отчасти это объясняется особенностями национального менталитета, склонного к полярности, резкости [Лотман 1992]. *А там мне кажется плохое привидение. Я с ним повоеваю* (1). *Такое не каждому под силу* (2). *Снега нам только не хватало!* (2) *Нельзя двигаться, когда пища! Иначе будет у вас желудочный сок такой противный!* (3). *А то вы загорите, как огонь. На солнышке таком* (3). Дети рано усваивают гиперболизацию высказываний, ориентируясь на взрослую речь. Этот эффект гиперболизации заметен и при рассмотрении цитат: «захочу и проглочу», «море пламенем горит...». Цитация необходима ребёнку как способ гиперболизации высказывания, и в этом плане она соотносима с другими характеристиками детской речи, что наблюдается в каждом из приведённых фрагментов.

Отдельная тема – продолжение цитаты, заряжающей высоким тоном пространство общения. Например [Ректор и профессор-нанотехнолог]: Нам нужны деньги, чтоб развивать науку. Цифра плотная, предельная. Есть потенциал, но не такой, чтоб мы так высоко прыгнули. – То есть по китайской схеме «Пусть расцветают все цветы!» (смех). – И мне не хотелось, чтоб Вы занимались коммерцией. И мне хотелось, чтоб при встрече Вы мне говорили: «Олег Николаевич! Я счастлив! Мне никто не мешает!». Чтоб вы расцвели, как китайский цветок! А не то, что Вы всем должны: и коммерция, и всё! (14.02.2013). В приведён-

ных «детских» блоках нет продолжения цитат, но обращение к высокому стилю присутствует.

Третий фрагмент свидетельствует также о возможном расширении опасений. Во взрослой речи говорится даже о горе. О высоком нарративном потенциале горя пишут современные писатели. «Ах, бросьте! Когда она будет рассказывать об этом приключении – и, между прочим, чем больше времени пройдёт, с тем большим удовольствием она будет это делать, таков закон человеческой психики, осознание отдалённости неприятности во времени вызывает у нас удовольствие, странным образом вызывает удовольствие даже сам факт, что неприятность была, – имея в биографии этот случай, человек себя чувствует богаче, ему есть о чём поговорить в служебный обеденный перерыв, с соседом, с другом или подругой, в праздничном застолье...» [Слаповский 1999: 293]. В высказываемых ребёнком репликах тоже присутствует нарратив опасности, не такой яркий, как у взрослых, но почва к этому уже создаётся. *А много надо оставить конфет, а то будут щёки красные и губка (трогает) (1). Такое не каждому под силу (2). Нельзя двигаться, когда пицца! Иначе будет у вас желудочный сок такой противный! (3). Ты не сиди на краю обрыва. Можешь провалиться туда и уже умрёшь! (3). Ну тогда вылезайте, а то будете... будете мокнуть, как бобики! (3). А то вы загорите, как огонь! На солнышке таком (3).* Показательно увеличение нарратива опасности в третьем периоде по сравнению с периодами предыдущими.

Мы обратили внимание на тесное взаимодействие чужого слова и своего в детской речи. Конечно, впереди у ребят ещё много неосвоенного, например, каламбур. В. М. Мокиенко подчёркивал, что, в отличие от анекдота и афоризма, каламбур не может быть приготовлен заранее. «Упущен момент – и игра слов уже становится невозможной. Вот почему контекст играет в создании каламбура огромную роль» [Мокиенко 1968: 32]. Такими же новыми для ребёнка темами являются цитата в цитате, гендерное своеобразие цитат, аллюзии, феномен дисфемизмов как выразителей агрессии.

ЛИТЕРАТУРА

Авакумова Е. А. Функции цитаты в детской речи // Проблемы онтолингвистики – 2008. Материалы международной конференции. – СПб., 2008. – С. 6-7.

Гарганеева К. В. Цитата в речи ребёнка и становление коммуникативных навыков на ранних этапах речевого онтогенеза // Детская речь как предмет лингвистического исследования: Материалы международной конференции. – СПб., 2004. – С. 42-46.

Елисеева М. Б. От 2 до 5: речь «для других» и речь «для себя» // Ребёнок как партнёр в диалоге. Труды постоянно действующего семинара по онтолингвистике. Вып.2. – СПб., 2001. – С.59-76.

Дементьев В. В. Интертекстуальный аспект речевых жанров // Жанры речи, 2015, № 2. – С. 11-26.

Круглякова Т. А. «Чужое слово» в детском поэтическом творчестве // Проблемы онтолингвистики – 2009: Материалы международной конференции. СПб., 2009. – С. 226-232.

Лысикова Ю. А. Лексикографирование цитат. Дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 2005.

Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М., 1992.

Мокиенко В. М. Каламбуры у Горького // Русская речь, 1968. № 2.

Офицерова Е. А. Цитирование в речи ребёнка (по материалам материнского дневника): Проблемы онтолингвистики – 2018: Материалы ежегодной международной научной конференции. СПб., 2018. – С.348-351.

Слаповский А. Первое второе пришествие. Анкета. Я – не я. М., 1999.

Элмасын А. В. Лингвистические основы создания двуязычного (русско-английского) тематического словаря устойчивых сравнений: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Краснодар, 2010.

©Харченко В. К., 2019